

ГРАНИЦЫ И ТРАКТОВКИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ПАРТИЙНОМ ПРАВОСУДИИ РСДРП И ПСР И СУБКУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.*

К. Н. МОРОЗОВ, А. Ю. МОРОЗОВА

Социологи, культурологи, антропологи, этнографы давно уже успешно пользуются термином «субкультура», в том числе и в исследованиях тюремной субкультуры¹ и молодежных контркультур. Так, в философско-энциклопедическом словаре «Человек», подготовленном Институтом человека РАН, дается следующее определение: «Субкультура (от лат. sub — под) — специфический набор признаков, по которым представители определенных номинальных и реальных групп осознают и утверждают себя в качестве «мы», отличного от остальных... Субкультура — это автономное относительно целостное образование, включающее в себя трансформированную систему норм и ценностей традиционной для конкретного общества культуры, а также комплекс специфических социально-психологических черт и поведенческих образцов, которые в той или иной мере определяют стиль жизни и мышления ее носителей. Она включает в себя ряд более или менее ярко выраженных признаков: специфический набор ценностных ориентаций, норм поведения, взаимодействия и взаимоотношений, а также статусную структуру; набор предпочитаемых источников информации; своеобразные увлечения, вкусы и способы свободного времяпрепровождения; жаргон (или его элементы). Субкультура, будучи объектом идентификации человека, является одним из способов его обособления в обществе, что и определяет ее влияние на самосознание личности, ее самоуважение и самопринятие»². В книге петербургского этнографа и социолога Т. Б. Щепанской «Система: тексты и традиции субкультуры» справедливо отмечается, что: «отличие субкультур видят в том, что они неспособны к полностью автономному самовоспроизводству, используют коды своей культуры, из

¹ * Статья подготовлена в рамках совместной работы над проектом «Russian Revolutionary at the end of the 19th and the beginning of the 20th Century: Image, Mentality and Subculture» (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 893/2000), а также над проектом «Партийное правосудие» и правосознание революционной среды первой четверти XX века (на материалах судебно-следственных структур РСДРП и ПСР)» (Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), проект № 03-01-00234) и в рамках работы К. Н. Морозова над проектом «Поведение революционера на следствии, суде и в тюрьме в контексте традиций революционной субкультуры (на материалах судебного процесса 1922 г. над социалистами-революционерами. 1922–1926 гг.)» (грант Минобразования РФ по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук ГО2-1.2-45 (2003–2004)).

Ефимова Е. С. Современная тюрьма: Быт, традиция и фольклор. М., 2004.

² *Мудрик А. В.* Субкультура // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С. 364–366.

которой заимствуют символы, несколько их трансформируя или перекодируя. Каждая из субкультур определяет себя прежде всего *по отношению* к Культуре (господствующей, общепринятой, материнской и т.п.), противопоставляя ей свои нормы и ценности либо черпая в ней обоснования этих норм»³.

Несмотря на то, что термин субкультура появляется в 30-е годы XX в. исследователи не применяли его к революционному движению, предпочитая изучать программы, тактику и деятельность революционных организаций и партий.

На наш взгляд, помимо привычного обращения к организационной составляющей партийной конструкции, необходимо исследовать то, что традиционно ускользает из поля зрения историков, о том, что являлось, так сказать, душой «конспиративно-элитарной организации»⁴ — о субкультуре российского революционера, которая всерьез повлияла и на само становление российских партий, без понимания которой мы не в состоянии адекватно оценить многое в истории российского революционного движения и взаимоотношениях российских революционных партий.

Сами революционеры, пытаясь описать рассматриваемый феномен, пользовались самыми разными понятиями и терминами, такими, как «честь революционера», «революционная этика», «революционная традиция», «обычное право» революционера⁵ и т.п. Кроме того, не будет преувеличением сказать, что революционерами-мемуаристами оставлен богатейший фактический материал, рисующий (с большей или меньшей степенью подробности) практически все стороны и проявления мира и субкультуры российского революционера как до, так и после Октября 1917 г.⁶

³ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. С. 28.

⁴ Этот, на наш взгляд, весьма удачный термин использует М. Хильдермайер, пытаясь определить характер групп, из которых складывается в 1901–1902 гг. Партия социалистов-революционеров (ПСР). Как правило, это были небольшие группы единомышленников, зачастую связанных между собой дружескими отношениями. Лидерство в этих группах определял высокий личный статус. Элитарность, замкнутость, конспиративность были абсолютно необходимыми свойствами, позволявшими им существовать (хоть какое-то время) в условиях полного отсутствия легальности и полицейских преследований. См.: Hildermeier M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung in Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 1978. S. 32–33.

⁵ Выражение докладчика по организационному вопросу на II съезде ПСР в феврале 1907 г., который подчеркивал, что усложнение внутреннего устройства и взаимоотношений в партии привело к тому, что «обычное право, если можно так выразиться, уже является недостаточным регулятором, необходимы иные регламентации, более общие» (Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1. М., 1996. С. 552) и слова Б.В. Савинкова в 1910 г. на заседании Судебно-следственной комиссии по делу Азефа (говоря об уставе Боевой Организации Партии социалистов-революционеров и об ответственности ЦК ПСР он восклицал — «Опять Центральный Комитет молчаливо одобрил если не тот формальный устав, который был принят, то обычное право, которое, собственно говоря, в этих вопросах совершенно соответствовало этому уставу» (См.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 175–176).

⁶ Отметим лишь затрагивающие в той или иной степени проблематику нашей статьи: Дейч Л.Г. За полвека. М., 1923. Т. 1; *Его же*. 16 лет в Сибири. М., 1924; Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 1–2. М., 1964; Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. В годы безвременья (1889–1899). Берлин; Пб.; М., 1922; *Его же*. Перед бурей. М., 1993; *Его же*. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Новикова и К. Хузер. СПб., 2007; Чернова-Андреева О.В. Холодная весна:

Исследователи же избегали не только как-либо типологизировать данное явление, но даже и называть его. Как представляется, их останавливало то, что для исследования этого феномена обществоведческие науки того времени не давали достаточно эффективных подходов и инструментов, не говоря уже о том, что возможности марксистских, народнических и анархистских теорий (приверженцами которых были российские революционеры) были еще ограниченнее. Но само наличие данного феномена никто и не думал отрицать.

В последние десятилетия появилось множество теорий, пытавшихся осмыслить феномен революционности как один из вариантов девиантного поведения. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает направление, сложившееся в рамках теории конфликта и фокусирующее внимание на социокультурных аспектах отклоняющегося поведения. Согласно этому направлению (А. Коэн), девиантное поведение основано на нормах другой культуры. По словам исследовательницы Г.И.Авциновой, «с таких позиций революционер может рассматриваться как носитель определенной субкультуры, конфликтной по отношению к господствующим в данном обществе ценностям, ориентациям, традициям, нормам, стандартам поведения. При таком понимании девиантность представляет собой не столько следствие «сбоев» в процессе социализации, сколько альтернативную реакцию на действующие механизмы включения индивида в социально-политическую среду, адаптацию и функционирование в ней»⁷.

Как уже отмечалось, историки долгие годы избегали как-либо типологизировать данное явление. Одно из первых исключений — книга Б.И.Колоницкого «Символы власти

(Главы из книги) // Звезда. 2001. № 8. С. 124–155; *Бабина Б.* Февраль 1922 // Минувшее. Т. 2. М., 1990. С. 7–80; Беседа с Б.И. Бабиной. Запись Н. Бармина [А.Б. Рогинского], подготовка и публ. Л. Арапова [Е.Д. Прицкера] // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. Париж, 1986. С. 367–389; репр.: М., 1990; *Вишняк М.В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1953; *Зензинов В.М.* Из жизни революционера. Париж, 1919; *Олицкая Е.* Мои воспоминания. Т. 1–2. Frankfurt/Main, 1971; *Чернова-Колбасина О.Е.* Воспоминания о советских тюрьмах. Берлин, 1921; Интервью с Я. Мееровым [Д.М. Бацером]. Беседа вел Т. Сонин [А.Ю. Даниэль] // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. Париж, 1989. С. 232–241; репр.: М., 1992; *Бацер Д.М.* Исход с Соловков. Публ. А. Даниэля // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 288–300; *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог / Предисл. Ю. Давыдова, прим. Л.Г. Аронова. М., 1991; *Вишняк М.В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; *Гарасева А.М.* Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997; *Гершун Г.А.* Из недавнего прошлого. Париж, 1907; *Деркач Н.Я.* По этапам и тюрьмам. М., 1930; *Зензинов В.М.* Пережитое (1880–1908). Нью-Йорк, 1953; *Иванов-Разумник И.* Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953; *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1922; *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста; Коль бледный; Коль вороной / Предисл. Ю. Давыдова. М., 1990; *Свирская М.Л.* Из воспоминаний. Публикация Б. Сапира / Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. Париж, 1989. С. 7–57; *Стиридонова М.* Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 490–491; *Радзиловская Ф., Орестова Л.* Мальцевская женская каторжная каторга 1907–1911 гг. // Там же. С. 500–542; *Попова В.* Динамитные мастерские 1906–1907 гг. и провокатор Азеф // Там же. С. 174–236; *Биценко А.* В Мальцевской каторжной тюрьме 1907–1910 гг. (К характеристике настроений) // Там же. С. 543–548; *Плесков В.* Памятные дни // Каторга и ссылка. 1921. № 1; *Тимофеев Е.* Лики отошедших // Там же. 1922. № 3. С. 151–152; *Плесков В.* Среди сопок Забайкалья (Из личных воспоминаний) // Там же; *Каллистов С.* Из жизни тобольской каторги (Воспоминания 1908–1910 гг.) // Там же. № 6 и др.

⁷ *Авцинова Г.И.* Революционер в России: история и теория. Киев, 1995. С. 65.

и борьба за власть», где феномен хотя бы был назван — «революционная традиция» и *субкультура* революционного подполья⁸. Одним из авторов данной статьи был предложен другой, более широкий и точный термин — «субкультура российского революционера» и сделаны шаги по изучению некоторых аспектов этой большой и многоуровневой темы⁹. Кроме того, нами исследовался такой феномен, как обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907–1914 гг.¹⁰

Хронологические рамки существования субкультуры российского революционера, на наш взгляд, определяются моментом ее формирования на рубеже 50–60-х гг. XIX в. (впрочем, ее генезис требует очень серьезного исследования) и насильственным ее уничтожением вместе с ее носителями к концу 30-х гг. XX в. (последние ее очаги погасли в эмиграции). На наш взгляд, прав был историк Андре Либих, писавший, что когда меньшевистский «...«Социалистический вестник» закончил свое существование в американском изгнании в 1963 г., исчез последний кружок интеллигенции XIX в.»¹¹. Прибавим только, что не просто российской интеллигенции, а интеллигенции-носительницы субкультуры российского революционера.

Рассматривая субкультуру российской революционной среды с рубежа 50–60-х гг. XIX в. до конца 30-х гг. XX в., мы приходим к выводу, что и эта культура была не общей и единой для всех и вся, а может быть признана нами как «рамочная», как некая абстракция, как термин. Пытаясь очертить контуры субкультуры российского революционера, мы столкнемся с тем, что имеются серьезнейшие отличия не только «поколенческие» (т.е. между субкультурой народников 70-х гг. XIX в. и субкультурой эсеров и меньшевиков, поддерживавших ее и живших в ней на рубеже 20–30-х гг. XX в.), но даже и в рамках одного поколения — на уровне партийно-группового позиционирования. Так, современники отмечали наличие нескольких устойчивых социально-психологических типов революционеров (эсеры, анархисты, с.-д.), порой имевших также внутреннюю градацию¹². Различия в ментальности и темпераменте накладывали отпечаток на все — от политической тактики до бытовых мелочей и «тюремной тактики».

Необходимо также подчеркнуть, что выработка норм общей, рамочной революционной субкультуры происходила в различных группах и на протяжении длительного

---

⁸ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

⁹ См. подробнее: Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005; *Его же*. Партия социалистов-революционеров во время и после революции 1905–1907 гг.: Социокультурный феномен в контексте субкультуры российского революционера // *Cahiers du Monde russe*, 48/2–3, Avril-septembre 2007. P. 301–330.

¹⁰ Морозов К. Н., Морозова А. Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907–1914 гг. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. 2004. №4. С. 45–54.

¹¹ Указатели журнала «Социалистический вестник». 1921–1963 // *Социалистический вестник*. Сборник: 1964–1965. Paris, 1992. С. XVIII.

¹² См., напр.: Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923; Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Frankfurt/Main, 1971. Т. 1. С. 241–243.

времени, причем эти группы и в XIX в. и в XX в. могли быть как более открытыми, так и более закрытыми, а некоторые из них имели прямо сектантский облик (кружок Ишутина, организация Нечаева).

Как представляется, революционная субкультура рождалась как «молодежная контркультура» — ее создавала революционная молодежь 60-х и 70-х гг. XIX в. в поисках понимания окружающего мира и своего места в нем; мы бы сейчас, в привычных для нас терминах, назвали именно так. Но ее носители стали реализовывать себя в основном в общественно-политическом пространстве, именно это поприще и считали для себя главным (в отличие, скажем, от разных вариантов и конкретных форм «молодежной контркультуры» второй половины XX века). Затем каждое поколение, толкаемое стремлением создать «молодежную контркультуру», вносило что-то свое, новое, омолаживало эту субкультуру. (Сломать этот механизм прихода молодежи в революционную среду удалось только в 1930–40-е гг., с одной стороны, физическим уничтожением этой самой революционной среды, с другой — вбиванием в молодые головы недопустимости наличия у советской молодежи какой-либо «контркультуры».) Порой это шло в конфликтах между «отцами» и «детьми»; иногда консенсус достигался, иногда нет. Однако именно молодежь не давала покоя «загерметизировавшимся» в своих взглядах и вкусах «старикам», она становилась своего рода «двигателем прогресса», она заставляла в спорах и дискуссиях добавлять «свое», «новое», что обеспечивало развитие, обновление субкультуры, придание ей адекватности новым реалиям, в которых молодежь родилась и которые хотела учитывать. Этот процесс «обновления» был постоянным и касался многих вопросов.

Нормы революционной субкультуры, совершенствуясь и модифицируясь, постепенно стали охватывать практически все сферы жизни индивида. Была создана субкультура, диктовавшая революционеру и образ жизни, и формы досуга, и круг чтения, и поведенческие нормы, фактически регламентирующие его действия даже в таких сферах, как, скажем, посещение публичного дома или употребление алкоголя, участие в азартных играх, разгульный образ жизни и даже внешний вид и т. д. и т. п. С другой стороны, многие революционеры рассматривали свою субкультуру как своего рода базовую (или как прообраз) для создания культуры нового социалистического мира, культуры, которая станет синтезом их субкультуры и культуры «трудящегося народа». Совершенно не случайно в начале XX века были популярны идеи «пролетарской культуры». Но это было уделом наиболее «продвинутых», выражаясь языком современной молодежи. А для массы революционеров считалось аксиомой, что своей жизнью, своей борьбой, своей моралью и даже своим бытовым поведением они должны служить маяками, примерами для миллионов, прозябающих в нищете и вне «культуры».

Одним из ключевых системообразующих элементов сложившейся субкультуры может считаться система поведенческих норм, регулируемых «общественным мнением» социума, намечающим границы допустимого и недопустимого (и контролирующим соблюдение этих норм). Потребность для российских революционеров в подобном была вопросом выживания социума, что привело к постепенному созданию своеобразного «партийного правосудия», которое вобрало в себя помимо правовых норм также конкретные механизмы и структуры следствия и суда. Кроме этого, важнейшей функцией партийного и внепартийного «товарищеского» следствия и суда являлись «восстановление чести» и защита достоинства революционера. Нормы поведения революционера на

следствии, в тюрьме, на суде (помогающие ему отличать допустимое в компромиссах для облегчения своей участи от предательства) и их мотивация, собственно говоря, и стали первым камнем в создании того, что можно назвать своеобразным революционным «партийным правом». Генезис и развитие революционного права отразили в себе общие тенденции и источники генезиса и развития субкультуры российского революционера в целом, причем огромную роль играли и социальные источники их формирования, и общественно-политические условия. Если говорить о социальных источниках формирования революционной субкультуры и революционного права, то с одной стороны, они складывались под сильным и, пожалуй, даже доминантным влиянием дворянской культуры, в том числе и игравших в ней ключевую роль т. н. «законов чести»; с другой, участвовавшие в революционном движении представители самых различных классов и социальных слоёв общества также весьма ощутимо влияли на формирование правосознания, норм поведения и практики революционера.

Вопросы о том, что есть предательство и где находится та грань, за которой борьба революционера за смягчение, скажем, тюремных тягот или его идейные метания и поиски перерастают в нечто совершенно неприемлемое для его товарищей, часто оказывались в центре бурных дискуссий в революционной среде и занимали большое место как в «обычном праве» революционеров, так и в «партийном правосудии». Понимание того, что есть предательство и что в него включается, формировалось постепенно, болезненно и не без серьезных разногласий. Суровость наказания зависела и от того, какое место проступок имел в той своеобразной иерархии предательства, о которой речь пойдет ниже, и от того, какие последствия для товарищей имело это предательство. Границы этого наказания простирались от мер бойкота и исключения из товарищеской среды до (в отдельных случаях) казни предателя.

Поскольку субкультура российского революционера была субкультурой среды, оппозиционной правительству, явно противопоставлявшей себя правящему режиму (до Октября 1917 г. — царскому, в советское время — большевистскому), среды гонимой, противозаконной, нелегальной¹³, под предательством понимался, прежде всего, отказ от этой оппозиционности, переход на сторону власти, согласие на сотрудничество с ней. Если попытаться выстроить иерархию ступеней предательства¹⁴ (в том числе и отступничества), по убыванию их однозности и серьезности так, как это виделось революционерам, то получится следующая «лестница»:

— «секретное сотрудничество» революционера с полицией, или «провокааторство»;
— «откровенные» показания на допросе, давшие в руки полиции материал для арестов и обвинения его товарищей;

---

¹³ Чернов подсчитал количество обысков, побегов, лет тюрьмы и т. д., пришедшее на делегатов Лондонского съезда с.-д. и Лондонской конференции с.-р.: «Лондонский съезд с.-д. 338 чел. — 597 лет гласного надзора, тюрем, ссылки, каторги. Средний возраст 28 лет — 710 привлеченный к делу, 201 побег. Лондонская конференция ПСР 61 чел. — 228 обысков, 146 попаданий в тюрьму, 121 год ссылки, 104 года тюрьмы, 88 лет каторги» (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5847 (Чернов Виктор Михайлович). Оп. 1. Д. 67. Л. 229).

¹⁴ Дабы не смешивать понятия, сразу оговоримся, что понятие предательства значительно шире терминов «секретное сотрудничество» и «провокааторство», а насколько широко и своеобразно толковались порой понятия «предательство», «рenegатство», «провокааторство» мы увидим, когда будем говорить о дискуссии о рenegатстве на процессе социалистов-революционеров 1922 г.

— сотрудничество с судом и поддержание обвинения на судебном процессе против своих товарищей (в качестве подсудимого или свидетеля) (в советское время «получил права гражданства» термин «сознательные», который применялся «ко всем, дающим показания»¹⁵);

— «выпугивание» на допросе, тем не менее, давшее в руки полиции материал для арестов и обвинения его товарищей;

— прошение о помиловании («колонисты», «прошенисты», «подаванцы») и прошение о смягчении участи;

— дача объявления в газету о разрыве со своей партией и отказе от своих убеждений или наличии разногласий с программой и тактикой партии (в советское время) («продаванцы»);

— дача подписки (в советское время).

Впрочем, это достаточно условная схема, куда не включено, так сказать, «идейное предательство», т.е. полный отказ от революционных убеждений и переход в противоположный лагерь (в качестве наиболее яркого примера можно привести Льва Тихомирова). Но нужно иметь в виду, что идейное ренегатство с полным переходом на сторону власти в чистом виде встречалось в дореволюционное время достаточно редко. В советское время переход на сторону большевистской власти приобрел среди социалистов и анархистов распространенный характер, но провести грань, когда человека на это толкали идейные соображения, а когда ими прикрывались, избегая репрессий (а то и просто делая карьеру) крайне непросто. Кроме того, необходимо отметить, что нельзя огульно считать ренегатами всех революционеров, которые уходили от политики в частную жизнь или в профессиональную деятельность, прекращая деятельность в своих партиях. Это было массовым явлением в годы после поражения революции 1905–1907 гг. и после Октября 1917 г. — в годы гражданской войны и в начале двадцатых. Стоит отметить, что часть эсеров, меньшевиков, анархистов разочаровалась в своих партиях и переживала идейную эволюцию, но в РКП(б) не вступала; другие никакой идейной эволюции не переживали, но отходили от политики по семейным и прочим соображениям¹⁶.

---

¹⁵ Из сводки 2-го отделения ОГПУ о процессе «Союзного бюро меньшевиков» и взаимоотношениях политзаключенных Верхнеуральского изолятора с осужденными по этому поводу лицами // *Меньшевики в Советской России*. Сб. док-тов. Казань, 1998. С. 117.

¹⁶ Уместно указать, что часть известных старых революционеров, отошедших от политической жизни, протестовала в 1922 г. против вынесения смертного приговора подсудимым с.-р. (См.: *Красильников С.А., Морозов К.Н., Чубыкин И.В.* Старые революционеры и процесс над социалистами-революционерами летом 1922 г. // *Всероссийное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. Бывшие члены общества во время Большого террора. Материалы международной научной конференции (26–28 октября 2001)*. М., 2004. С. 67–73). Не менее характерно свидетельство Е. Олицкой о том, как видный эсер А.А. Ховрин, вернувшийся с каторги в 1917 г. и не принимавший больше участия в партийной жизни, «не воскуривал фимиам большевикам и не отрекался от своих политических взглядов, вел научную работу, которую считал нужной и важной», после ареста в 1932 г. в Суздальском политизоляторе был членом тюремного коллектива с.-р. и пользовался большим уважением со стороны политзаключенных социалистов, считавших даже, что он излишне строг и щепетилен в своих отношениях с тюремным начальством, с которым он не разговаривал и к которому не обращался ни с какими просьбами (См.: *Олицкая Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 139–141).

Наиболее одиозным и ярким видом предательства, так сказать, предательством в «чистом виде», считалось «секретное сотрудничество» революционера (по терминологии жандармов и чекистов), или «провокачество» (по терминологии самих революционеров). Проблема провокации вставала во весь рост по мере развития революционного движения уже в 60–70 гг. XIX в. Свою весьма ощутимую лепту появившиеся среди пропагандистов предатели внесли и в грандиозную волну арестов участников «хождения в народ». По воспоминаниям Льва Дейча, «причиненный ими вред невольно наталкивал многих пропагандистов на мысль о мести, о необходимости расправы с ними, чтобы, действуя устрашающим образом, удерживать других от предательства. Но в течение первых лет подобные взгляды не выходили из области теории, т. к. пропагандисты были крайне мирными людьми. Только летом 1876 г. впервые произведена была попытка подобной расправы» (речь идет о знаменитом деле Н. Гориновича, порождающем встречные вопросы о допустимости подобной расправы с предателем).

В дальнейшем такие расправы получили более или менее широкое распространение в годы революции 1905–1907 гг. и после ее поражения. Самая громкая история подобного рода — это расправа в 1906 г. Боевой организации ПСР (БО ПСР) над членом ЦК ПСР Н. Ю. Татаровым, заподозренным в провокации¹⁷. В ходе расследования, начатого по решению собрания членов ЦК ПСР и близких к комитету людей — Б. В. Савинкова, О. С. Минора, В. М. Чернова, Н. С. Тютчева, А. Н. Баха — Татаров был уличен во лжи, а кроме того, выяснилось, что его поведение не укладывается в общепринятые для русского революционера нормы (он, во-первых, «жил не в том отеле, который назвал товарищам, а в другом, в котором прописался под совершенно другой фамилией», а во-вторых, посещал «игорное казино!»). Поскольку прямых доказательств виновности Татарова в предательстве не было (лишь позднее выяснилось, что он начал служить в Департаменте полиции с марта 1905 г.), «после длинных и мучительных дебатов было решено: отстранить Татарова от каких бы то ни было партийных дел... О всех своих передвижениях он должен извещать Женеву»¹⁸. Обстоятельства расследования, произведенного в России, убедили трех членов комиссии — Чернова, Тютчева и Савинкова — в виновности Татарова. Савинков предложил ЦК взять на себя убийство Татарова.

Татаров был убит в Варшаве членами БО ПСР на квартире своих родителей, причем его мать была ранена. «Впоследствии, — писал в своих воспоминаниях Савинков, — премьер-министр Столыпин, в своей речи, произнесенной в третьей Государственной Думе, публично подтвердил, что Татаров состоял секретным сотрудником. Как я выше писал, я был совершенно убежден в виновности Татарова. Только это убеждение и позволило мне взять на себя ответственность за его убийство. Но и убежденный, я хорошо понимал, что юридических улик против Татарова нет и что суд присяжных оправдал бы его. К несчастью, там, где существуют военные и военно-полевые суды, революционерам для защиты партии от провокации не остается ничего другого, как прибегать к тем же приемам борьбы: судить агентов полиции военно-полевым, не формальным судом»¹⁹. Сам факт этого убийства ЦК ПСР признал только три года спустя — в феврале 1909 г.

¹⁷ *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 194–195.

¹⁸ *Там же.* С. 198–199.

¹⁹ *Савинков Б. В.* Избранное. М., 1990. С. 191–197.

Впрочем, провокаторов порой убивали и без особого следствия и без партийного суда, хотя и партсуды, выносившие смертные приговоры, также имели место²⁰.

Ситуация изменилась с весны 1909 г., когда эсеры отказались от убийства разоблаченных провокаторов. Так, например, когда в 1909 г. в Париже подтвердились указания переметнувшегося на сторону эсеров сотрудника Заграничной охраны на провокаторство Т.М.Цейтлин и М.И.Деева, их арестовали и, удерживая на конспиративной квартире в течение нескольких дней, добились признательных показаний. На этой же квартире состоялся партийный суд с участием ряда руководителей партии и В.Л.Бурцева, который признал Цейтлин виновной в сотрудничестве с охранкой, а Деева — в том, что он знал об этом, но не только не сообщил об этом товарищам по партии, но и оказывал ей содействие²¹. Вспоминая, как решалась судьба Цейтлин и Деева, Л.А.Либерман в 1917 г. писал: «Большая часть отряда контрразведки стояла за смертную казнь для уличенных. Но на все доводы за такую меру Б.В.Савинков отвечал твердо и неизменно: Кровь — страшная вещь... У нас нет прямых данных, что руки их обгажены кровью, и казнить мы их не смеем. За контрразведку отвечаю я и не допущу убийства... Не нужно крови... Не нужно смерти»²². Уже следующего разоблаченного провокатора — члена БО ПСР Н.Кирюхина, уличенного осенью 1910 г., даже не допрашивали и не судили (хотя уединенные условия месторасположения БО вполне это допускали), а просто прогнали и судебным приговором БО объявили провокатором²³.

Впрочем, еще в мае 1909 г. на V Совете партии во время обсуждения «дела Лапиной» вопрос об убийстве как способе удержать ее от предательства обсуждался, но был отвергнут²⁴. Э.М.Лапина была членом БО ПСР и работала под руководством Е.Ф.Азефа, долго не могла поверить в его виновность, а после его разоблачения была принята Б.В.Савинковым во вновь созданную им БО. В январе 1909 г. «некоторые товарищи» из «компетентного источника» узнали о наличии провокатора-женщины, состоящей в ПСР несколько лет и «имеющей близкое отношение к террористической деятельности»²⁵ и сообщил «наиболее близким к Лапиной товарищам» о возникших подозрениях. Но эти сведения «в большей или меньшей мере стали известными довольно широкому кругу товарищей»²⁶.

12 мая 1909 г. Э.М.Лапина написала заявление в Департамент полиции, где подробно излагала факты своей революционной биографии и предлагала передать себя «добровольно в руки русского правительства» на пограничной станции Александрово, с тем, чтобы суд своим приговором (изложенные ею факты «стянули» на виселицу,

²⁰ См., например: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 332 (Комиссии РСДРП по борьбе с провокаторами (1893–1917)). Оп. 1. Д. 23. Л. 8 об.

²¹ См.: Hoover Institution archives. В. Nicolaevsky collection. Box 288. Folder 27.

²² Воля народа. № 96. 17 августа 1917. С. 2.

²³ Подробнее см.: Б.Н.Савинков и Боевая Организация ПСР в 1909–1911 / Публ. К.Н.Морозова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 243–314; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

²⁴ Международный институт социальной истории (МИСИ). Архив партии социалистов-революционеров (ПСР). 147 (авторами использовались микрофильмы, хранящиеся в РГАСПИ).

²⁵ См.: Знамя труда. 1909. № 20. С. 20.

²⁶ Там же.

или минимум на бессрочную каторгу) доказал ложность подозрений со стороны ее товарищей²⁷. Фактически члены V Совета партии, хотя и предприняли ряд действий по урегулированию ситуации, но не сумели предотвратить трагической развязки.

17 мая 1909 г. Э.М.Ланина застрелилась, оставив предсмертную записку, в которой она писала: «Отказываюсь от своего плана только потому, что не хватает физических сил. Прошу об одном: будьте осторожнее по отношению к другим. Нет сил не только работать, но и жить в такой атмосфере»²⁸.

Если вопрос об отношении к сознательным провокаторам был совершенно ясен и бесспорен, то о допустимости поступления в секретные сотрудники с «революционными целями» в революционной среде долго велись споры. И хотя после трагического опыта Дегаева большинство революционеров, отрицательно относясь к таким экспериментам, пыталось утвердить запрет на это не только в неписаном «обычном праве» революционера (по меткому выражению Б.В.Савинкова), но и в писанных партийных циркулярах, практика эта все же продолжалась, о чем свидетельствуют, скажем, постановления III и IV Совета эсеровской партии (июнь 1907 и август 1908 г.), которые констатировали, что «вступление в переговоры с полицией без разрешения ЦК влечет за собой исключение из партии»²⁹ — эсера, завербованного весной 1909 г. охранкой и признавшегося в этом своим товарищам, толкнувшим его во искупление греха на совершение террористического акта (о чем 23 августа 1909 г. И.И.Фондаминским, Б.В.Бартольдодом, Б.В.Савинковым и А.А.Петровым был составлен и подписан акт³⁰. Дело получило широкую огласку, за покушение на фон Коттена. Рипса судили за границей и оправдали, а престиж израненного жандарма только вырос в глазах его начальства. Принимая предложение о сотрудничестве, Рипс, по его словам, рассуждал так: «а что если воспользоваться этим предложением, войти в ним в доверие и этим путем, во-первых, постараться узнать всех провокаторов, а затем отомстить, но так, чтобы они помнили это на всю свою гнусную жизнь, чтобы знали, что предложения эти могут и им обойтись слишком дорого»³¹. А на вопрос о допустимости получения денег от охранки ответил, что «на это у него своя точка зрения» и что деньги на партийные нужды можно внести анонимно³². Ю.Данаев, признавшийся своим товарищам во всем содеянном, в своем письменном заявлении в редакцию «Голоса социал-демократа» в ноябре 1912 г., подробно изложив обстоятельства своего согласия на сотрудничество с охранкой, подчеркивал, что «полагал тогда, что такая насущная для успеха партийной работы цель, как открытие провокатора в верхах партии стоит того, чтоб из-за нее рискнуть вступить в сношения с охранкой»³³. Тем не менее, в силу того, что подсудимые сами заявили о своих контактах с охранным отделением, они не были исключены из партии, а лишь на разные сроки отстранены от партийной работы и участия в жизни организаций.

---

²⁷ Знамя труда. 1909. № 20. С. 20.

²⁸ МИСИ. Архив ПСР. 147.

²⁹ Бурцев В.Л. Дело с-р А.А.Петрова // Иллюстрированная Россия. Париж. 1939. N 21

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции Особый отдел (ДП ОО). 1909. Д. 189. Л. 51–54.

³¹ РГАСПИ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

³² РГАСПИ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 7. Л. 4

³³ Там же. Д. 7. Л. 42

В длившемся почти два года разбирательстве по делу Л. Г. Бельского ситуация была несколько иной, ибо, оказавшись в эмиграции, он сам потребовал суда над собой для опровержения дошедших до него слухов об обвинении его в провокаторстве. Однако рассказанная им история показалась настолько фантастичной, а все его показания настолько оставляли ощущение неискренности и стремления подать свои поступки в более выгодном свете, что после долгих перипетий и оттяжек и после изменения формулировки обвинения (не провокация, а сношения с охранным отделением) судебная комиссия, созданная Заграничным бюро (ЗБ) ЦК РСДРП, «признавая, что не только сношения, но и попытки сношений с охранным отделением — безразлично, в каких целях — революционных или неревolutionных — недопустимы для члена партии», единогласно сочла необходимым «предложить ЗБЦК РСДРП исключить Леонида Бельского из РСДРП». Этот приговор был утвержден ЗБЦК³⁴. Революционеры довольно широко применяли тактику «вышутывания», которая, впрочем, официально никогда не рекомендовалась партийным руководством и партийным общественным мнением. Общеизвестным считалось, что, давая жандармам крупинцы достоверной информации среди гор выдуманных фактов, для революционера всегда была опасность заиграться и дать в руки следствия важную информацию. Определить же, какая информация важна, а какая — нет, дает ли она возможность уличить в чем-то его товарища, революционер не всегда был в состоянии. Поэтому «хорошим тоном» среди опытных революционеров считался отказ от дачи показаний.

Принципиально отметить, что хотя руководство обеих социалистических партий с начала XX в. рекомендовало своим членам отказываться от дачи показаний, а орган ЦК ПСР газета «Знамя труда» выходила в 1907–1908 гг. с крупной подписью внизу «Товарищи! Отказывайтесь от дачи показаний», судя по всему, эта тактика никогда не была не только единственной, но даже не была и доминирующей.

Сочтя возможным давать показания, революционер должен был следить за тем, чтобы говорить только «за себя», не давая никаких сведений о действиях товарищей, даже если эти слова не могли ухудшить их положение. Конечно, в ряде случаев это была явная перестраховка, но искушенные революционеры в вопросах сохранения своей чести и недопущения предательства (пусть и невольного), предпочитали проявлять щепетильность и перестраховываться, отдавая себе отчет в высокой цене возможной ошибки. Так, например, Е. Л. Олицкая, в 1932 г. арестованная в Серпухове вместе с мужем с поличным (покинув в 1929 г. рязанскую ссылку, они создали подпольную организацию и наладили выпуск гектографированных листовок с эсеровским девизом «В борьбе обретешь ты право свое!»): она (как и ее муж А. Федодеев) не считала нужным отказываться от дачи показаний, но говорила только «за себя», подчеркивая, что «Федодеев будет говорить сам»³⁵.

Куда противоречивее и парадоксальнее выглядела реакция товарищей В. Ульяновского, который в 1906 г. проходил по одному из дел польской партии «Пролетариат»:

---

³⁴ Так, эсер С. А. Никонов вспоминал, что когда в 1887 г. он попал в ссылку в Минусинск, там было два ссыльных, живших вне колонии и не принятых в товарищескую среду именно из-за того, что они выдавали своих сопроцессников (Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337 (Собрание воспоминаний и дневников). Оп. 1. Д. 160. Л. 166–167).

³⁵ Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky collection. Box 207. Folder 4.

дал показания на своих товарищей, затем от них отказался, за что был сослан в Сибирь, бежал оттуда, эмигрировал, вступил в Венскую группу содействия РСДРП, из которой в 1911 г. был исключен после того, как его история была рассказана одним из его бывших товарищей. Секретарь Венской группы содействия РСДРП, излагая все перипетии этого дела Центральному бюро заграничных групп (ЦБЗГ), констатировал: «Группа не сочла себя достаточно компетентной для того, чтобы высказать свое отношение к этому делу, относительно которого у нее нет достаточно проверенных сведений и относительно которого уже однажды состоялся [...] суд «пролетариатчиков» (решение этого суда нам неизвестно), не пожелала иметь в своей среде товарища с таким прошлым до тех пор, пока этот товарищ не сможет реабилитировать себя партийным путем (путем партийного суда)»³⁶.

Таким образом, парадокс ситуации заключался в том, что следственная комиссия «Пролетариата», разобравшись в деле В. Ульяновского, не стала его клеймить, а российские социал-демократы, даже не желая входить в обстоятельства его «откровенки», предпочли его исключить из группы. Неудивительно, что в письме в ЦБЗГ 10 ноября 1911 г. В. Ульяновский заявлял о неправомерности действий группы и требовал проведения над собой партийного следствия и суда³⁷.

«Уход из тюрьмы вследствие поданного прошения на нашем диалекте назывался переселением «в колонию», — писал в своих мемуарах о Карийской каторге 1880-х гг. народник, а позже меньшевик Л. Г. Дейч. — Наименование «колониист», произносившееся с брезгливостью, стало вскоре довольно популярным, и его считали позорным не только все политические ссыльные в Сибири, но также и наиболее порядочные местные обыватели». Впрочем, самому мемуаристу «казалось, что между ними («колониистами» — *Авт.*) следовало отличить более и менее виновных», и поэтому он «считал несправедливым резко осуждать всех без различия «колониистов»»³⁸.

Фактически мы можем говорить о том, что подача прошения являлась краеугольным камнем того, что определяло самоидентичность политзаключенного революционера, выделяло его из доминирующего уголовного мира, не позволяло в нем раствориться. подача прошения находилась под строжайшим запретом у политкаторжан и открывала список табуированных поступков в негласном, но жестко соблюдаемом ими «неписаном уставе» (по меткому выражению известной эсерки М. Спиридоновой). По ее воспоминаниям, «неписанный устав в тюрьме не позволял подавать прошения о помиловании, давать бить себя и товарищей без протеста, петь «Боже, царя храни» и «Спаси, господи», не позволял фамильярничать с властями или пользоваться привилегиями при отсутствии таковых у других товарищей и т. д. Сюда же относилась и другая неписаная форма быта (напугавшая конвойных Созонова), главными пунктами которой были отказ и полное воздержание от употребления вина, карточной игры, разврата с уголовными женщинами, драк и т. д.»³⁹.

Но эти прегрешения «неписаного устава» вовсе не были равноценны. То, что подача прошения в этом ряду стояла на первом месте по степени тяжести и не подле-

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ См., например, красочное описание эсером Чермаком попытки его «соблазнения» жандармским полковником (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 285. Л. 11).

³⁸ Там же. С. 175–176.

³⁹ Там же. С. 430–431.

жала прощению (в отличие от других проступков), можно судить не только по тому, что М. Спиридонова поставила его первым, а по реальной практике революционеров в отношении «прошенников». И в данном случае писаное и неписаное право совпадали, ибо весной 1907 г. ЦК ПСР принял резолюцию об исключении из партии подавших «прошения о помиловании или о смягчении участи»⁴⁰.

Особо отметим, что в вопросе о том, допустимо или нет прошение о помиловании и как следует относиться тем, кто его подал, единодушия в среде революционеров не было очень долго, что прекрасно иллюстрирует «дело» К. Р. Кочаровского — заметного революционного деятеля рубежа 80–90х гг. XIX в. После разгрома «Народной Воли» и ухода с арены последних ее деятелей, их место заняла «молодая поросль» революционеров, порой колебавшаяся между традициями и принципами, оставленными их именитыми предшественниками, и тем, что они рождали сами в отравленной атмосфере предательства, ухода в личную жизнь, многочисленных прошений о помиловании. Так, например, К. Р. Кочаровский прямо указывал, что сначала большинство членов его кружка резко отрицательно относилось к «подаванцам» и даже хотело внести этот пункт в свою программу, но затем кардинально смягчило его, решив, что «при известных обстоятельствах мы подали бы прошения. <...> А именно при тех <...> обстоятельствах, когда максимум мести врага грозит за минимум достигнутого результата и когда при этом данные лица не являются центральными, видными лицами или не принадлежат к длительной, имеющей глубокую традицию партии»⁴¹.

Тогда же он писал М. Р. Гоцу о том, что разумом готов признать правоту большинства, считающего, что «подача прошения о помиловании есть ошибка без всяких оправданий»[...] Однако «со стороны чувства непосредственного» не ощущает «никакого чувства вины перед партией», но полагает, что «во всяком случае во второй раз я никогда и ни при каких обстоятельствах не решился бы подать прошения о помиловании»⁴².

К началу XX в. в революционной среде точка зрения о недопустимости «подачи прошения о помиловании» и невозможности после него революционной деятельности превалировала над позицией менее эмоциональной и более прагматичной — что нужно учитывать обстоятельства, мотивы, нанесенный вред и потенциальную пользу данного революционера. Последняя проявилась в половинчатом решении созванной по требованию Кочаровского партийной комиссии в составе Л. Э. Шишко, М. Р. Гоца и В. М. Чернова, которая 3 июня 1903 г. постановила, что «в факте подачи прошения о помиловании на имя царя имеется в наличии первый признак такого акта, как «рenegатство», а именно — хотя бы временное отречение от своих убеждений. <...> Факт подачи прошения о помиловании, из каких бы мотивов он ни исходил, совершенно закрывает подавшему прошение доступ в революционные организации; что касается до личности Кочаровского, то комиссия, собрав сведения от лиц, хорошо знающих его жизнь за последние годы, заявляет, что поведение К. Р. Кочаровского после ссылки дает ему полное нравственное право выступать на поприще культурной и научно-общественной деятельности»⁴³.

⁴⁰ Спиридонова М. Указ. соч. С. 434.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Анализируя дело К. Р. Кочаровского в целом, следует отметить, что, во-первых, оно столь скандально столкнуло «мягких» и «непримиримых» и заставило публично высказаться и сформулировать свою позицию и тех и других (в том числе и тех, на кого надеялся Кочаровский, и кто избегал открытой полемики по столь скользкой теме). Во-вторых, столкновение продемонстрировало силу «непримиримых» и закрепило их победу. В-третьих, создало прекраснейший прецедент, с таким количеством зафиксированных на бумаге мнений авторитетнейших людей, что дальнейшая публичная полемика с «непримиримыми» была уже практически невыносима.

О том, насколько трепетно относились революционеры ко всем действиям, которые даже в первом приближении могли быть сочтены уступкой властям и изменой своим взглядам в форме подачи прошения о помиловании, свидетельствует история, рассказанная эсером С. А. Никоновым, врачом по специальности, в 1904 г. отбывавшим ссылку в Архангельске. Получив заинтересовавшее его предложение «занять место заведующего одним из земских отрядов на Дальнем Востоке»⁴⁴, на ближайшем же общем собрании ссыльных Никонов поставил товарищей в известность о своем заявлении, «так как товарищи относились отрицательно к службе в действующей армии». Ссыльные не нашли в его заявлении «ничего, противоречащего партийной этике или положению поднадзорных, и предоставили ему в этом отношении свободу действий»⁴⁵. В то же время в революционной среде даже одного подозрения, что человек совершил этот поступок, бывало достаточно, чтобы испортить его репутацию. В этом плане весьма характерна история с освобождением из тюрьмы в ноябре 1911 г. социал-демократа Д. Ф. Сверчкова. Для предотвращения слухов, порочащих его революционную честь, в газете «Будущее» за подписью Троцкого была опубликована заметка, в которой подробно излагалась вся история Д. Ф. Сверчкова и подчеркивалось, что «Никаких прошений Д. Ф. сам *никуда не подавал*, даже не знал ничего определенного о хлопотах своих родных»⁴⁶.

Прекрасно видно, что термин, используемый социалистами середины 1920-х гг. — «продаванец» — родился от более раннего, еще дореволюционного — «подаванец», т. е. подавший прошение о помиловании, что показывает объединение в восприятии революционеров столь разных форм, как прошение о помиловании и объявление или письмо в газету, по главному, что в них содержалось — отречение от своих идеалов и выражение лояльности власти. Более того, мы можем констатировать, что отношение к бывшим товарищам становится максимально жестким (бескомпромиссное «продаванец» куда более ясно выражает отношение к данному человеку, чем иронично-неопределенное «подаванец»), ибо оно было адекватным ответом на беспрецедентное давление властей и проявлением необходимости защищать революционную среду от размывания.

Нельзя не отметить и кардинального отличия в положении и мироощущении политзаключенного-социалиста советского времени от его товарища дореволюционной поры, которое ощущалось и осмысливалось уже самими «сидельцами». Привезенная с Соловков Е. Олицкая размышляла в Верхне-Уральском политизоляторе: «В царские

⁴⁴ . Там же. Л. 432–433.

⁴⁵ Спиридонова М. Из жизни на Нерчинской каторге. С. 435.

⁴⁶ Олицкая Е. Указ. соч. С. 271.

времена было легче. Тогда мир делился на два лагеря — угнетателей и угнетенных. Тогда все лучшие люди, по крайней мере, сочувствовали жертвам неравной борьбы. А теперь? Если у ээка рождалось малейшее сомнение в правильности тактических приемов его партии, если рождалось малейшее сомнение в ошибочности тактике его политических противников, ему приходилось плохо. Ведь он сидел в тюрьме, когда вокруг шла борьба за его идеалы»⁴⁷.

Смысл всей этой довольно абсурдной процедуры (объявлять о признании решений собственной партии) заключался в именно в этих словах, причем маленький довесок — «и других противозаконных действий» фактически превращал любого «подписанта», из человека согласного с решениями своей партийной конференции, в человека грубо нарушавшего ее решения, ибо как раз применение всех «других противозаконных действий» против власти она санкционировала. Фактически для «подписанта» эта подписка значила капитуляцию перед властями и уход из партии.

Брали чекисты и подписки, написанные в «произвольной форме». Так, например, арестованный в августе 1920 г. бывший шлиссельбуржец В.Н.Левтонов был отпущен на свободу после того, как подписал следующий документ: «Даю настоящую подписку в ВЧК в том, что я, Владимир Николаевич Левтонов, вышел из партии с.-р. с августа 1918 г.; в настоящее время никакого участия в работе партии не принимаю и обязуюсь впредь также не вступать в организацию правых эсеров и других антисоветских партий, а также не иметь никаких связей с лицами, заведомо мне известными, которые участвуют в нелегальных организациях, а также сообщать в ВЧК (в секретный отдел) о переменах своего адреса. 27-го сентября 1920 года. Ярославль Вл. Левтонов»⁴⁸. Мы не знаем об отношении ЦК ПСР к этому инциденту, но нам представляется, что в тех своеобразных условиях информатор Филипповский, безусловно, имел очень серьезные шансы на «реабилитацию».

Снова о возможности использования такой формы, как подписка, власти вспомнили в 1922 г. в ходе подготовки процесса над социалистами-революционерами и даже

---

⁴⁷ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Н-1789 (Фонд судебного процесса с.-р. 1922 г. — «Дело по обвинению А.Гоца и др.»). Т. 1. Ч. 1. Л. 370.

⁴⁸ В своем письме В. Филипповский подробно описывал политическую ситуацию в Черноморье, сложившуюся в ходе борьбы «против Деникинской армии, организованной и возглавляемой партией социалистов-революционеров». После изгнания добровольцев из Черноморья и создания Советской Республики «в Черноморье создался язык взаимного понимания между социалистическими партиями, существовал формальный единый социалистический фронт и была полная свобода социалистического мнения». Однако после установления в регионе большевистской власти легальное существование эсеровской партии было недолгим. Вскоре все видные местные эсеры были арестованы и отвезены в Екатеринодар, а затем, после 4-месячного пребывания в тюрьме, в Москву. На допросе они заявили, что в общем и целом стоят на тех же позициях, которые занимали в Черноморье. От них потребовали «письменного закрепления этих позиций в форме подписки. После коллективного обсуждения этого вопроса сообща, и затем нашей группой четырех, мы решили сделать этот шаг, противоречащий революционным традициям. Делали мы это вполне сознательно, учитывая как нам тогда казалось, все его последствия, как парт., так и персональные. Подписка для нас не освещалась моментом, уводящим нас ни по форме, ни по существу от партийно-революционной работы. Самую же унижительность факта дачи подписки мы решили перешагнуть, принимая в соображение интересы революции и партии, как мы их понимаем в тот момент» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 47–48, 94).

утвердили новый текст, предложенный Н. В. Крыленко⁴⁹. Уже на самом процессе Фейт, выступавший в качестве свидетеля обвинения, заявил, что считает “свое положение свидетеля” — “совершенно ненормальным”, т. к. он состоял членом ЦК ПСР и несет « всю ответственность, моральную и юридическую », за его работу, и подчеркивал, что никакой подписки, понимаемой как некое обязательство, он не давал. Председатель суда Г. Л. Пятаков поспешил сгладить ситуацию, заявив, что Фейт подпадает под амнистию 1919 г.⁵⁰

Настоящей программной речью для подсудимых-регенатов стала речь фактического их лидера Григория Ратнера, специально введенного для этой роли в состав 2-й группы. Фактически он вслед за Бухариным весьма творчески применил диалектику: предать партию, предавшую революцию (которая и есть высшая ценность), не есть предательство, а есть благо и геройская жертва во имя революции. Ратнер восклицал: « [...] Здесь слово “регенат” и слово “предатель” часто употреблялось. <...> Чтобы не заходить в этически слишком сложные рассуждения, я имею право ответить просто и ясно. Я и мои товарищи, здесь сидящие, мы прямые и открытые враги партии эсеров. [...] Предателем враг быть не может. Предателями могут быть те, которые живут с вами или около вас [...]. А есть ли предательство дать показание и раскрыть действительную позицию и тактику партии эсеров? [...] Если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру. Если требует революция, то семейные отношения не существуют. [...] от старой морали осталась только форма, [...] но содержание этой морали давно уже истлело, истрепалось и не могло не истрепаться, ибо современная политическая борьба этих старых этических понятий не терпит [...] »⁵¹.

Фактически здесь столкнулись две точки зрения, две позиции. Одна, традиционная, целиком основывалась на предшествующем опыте и этике революционного движения, другая — хоть и активно использовала терминологию своих оппонентов, но уже исходила из «политической целесообразности», являясь сама продуктом «морального экспериментаторства». Нельзя не отметить, что «моральное экспериментаторство» в речи Г. М. Ратнера представлено максимально выпукло. Чего стоит только одна его формулировка «наши бывшие товарищи по общему предательству революционного дела в 1918 г.»!

Но главное в речах всех выступавших коммунистов и эсеров-регенатов — это, конечно, отказ от старой морали, причем, не только той, которой придерживались революционеры, но в данном случае и от «общечеловеческой», которая огульно называется мешанской, и пафосный призыв идти другим путем, к совершенно новой морали, позволяющей «свести на эшафот и собственную сестру».

Трещина между коммунистами и вставшими к ним в оппозицию социалистами и анархистами к 1922 г. уже превратилось в пропасть, которая стремительно росла. И хотя «родимые пятна» общего происхождения и общей этики российского революционера частью старых коммунистов еще не были изжиты, отсутствие общности судеб, мутации этики коммунистов, отказывавшихся от ключевых норм и понятий субкультуры российского революционера, становятся все ощутимее и ощутимее. В качестве иллюстрации к данному тезису приведем свидетельство корреспондента меньшевистского «Социалистического вестника», скрывшего свое имя под псевдонимом “Каторжанин”. Касаясь

⁴⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 380, 369–373, 377–384, 395, 372, 373, 385.

⁵⁰ Цит по: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922). С. 781.

⁵¹ Цит по: Там же. С. 198–205.

вопроса о поведении и мероприятиях большевистской власти по дискредитации эсеров летом 1922 г., он воскликнул: «Мне кажется, что нет тех красок, которые описали бы то, что проделала власть до процесса, на самом процессе и вне стен суда. Изумительно все же не это, а то **перерождение вчерашних тюремных сидельцев, а ныне правителей, к которому я никак не могу привыкнуть** (выделено нами — *Авт.*)»⁵².

Ярким примером отношения сидевших в тюрьме социалистов к «сознательным», т.е. пошедшим на сотрудничество с ОГПУ, может служить отношение заключенных Верхнеуральского политизолятора к привезенным туда осужденным по процессу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП, или «процессу 14-ти» (по числу осужденных). Само Союзное бюро расшифровывалось как «сволочное» или «сочиненное» Бюро; поэтому 14 осужденных назывались «сволоченцами». По свидетельству оперуполномоченного 2 СПО Сидорова, опиравшегося на доносы своих сексотов, «не возникало и речи о связи с 14-ю или, наоборот, о бойкоте их: последний считался само собой разумеющимся, как в отношении всяких шпионов, провокаторов, доносчиков, подаванцев. Было бы совершенно невозможно для кого бы-то ни было пытаться даже поднять разговор о связи или, наоборот, о бойкоте 14-ти... Так или иначе коллектив молчаливо начал бойкотировать 14»⁵³.

Таким образом, можно констатировать, что в 1920–30-е гг. у оппозиционно настроенных власти социалистов и анархистов, являвшихся живыми носителями и хранителями субкультуры российского революционера, в силу многократно ухудшившихся внешних обстоятельств в спорах между сторонниками «мягкого» отношения к отступникам (мнение которых до революции было вполне весомо) и «жесткими» все больше и больше побеждает позиция последних. Характерно, как Е. Л. Олицкая много лет спустя признала правильность позиции старших товарищей, не хотевших на Соловках в 1924 г. брать в «политскит» студента В. Коневского, давшего «откровенку» (и сдавших ее полгода спустя под напором его товарищей и молодых эсеров, считавших, что жестоко оставлять сухорукого студента в уголовной среде). Е. Л. Олицкая долго спорила со старым эсером И. Ю. Примаком, говорившим ей: «У нас нет возможности проявлять чувствительность и сентиментальность. Если Коневский стоящий парень, он оправится и поймет, что иначе поступить мы не имеем права. Мы не можем рисковать всем коллективом во имя Коневского, коллектив дороже Коневского. Что, если мы его пожалеем, а он, как только наступят трудности, снова предаст? Кто будет в ответе за весь коллектив?». Двенадцать лет спустя, узнав, что в 1936 г. этот человек на допросе оговорил множество невинных людей, Олицкая вынуждена была признать правоту Примака⁵⁴. Безусловно, с их точки зрения, знания о том, что Львов/Галанов был видным эсером в 1917 г., было вполне достаточно, чтобы сообщить о местонахождении этого человека в ГПУ. Романовский же совершенно очевидно придерживался традиционных взглядов российских революционеров на то, что такое донос и что такое предательство, а чекисты вместе с Молотовым, которому они часто слали подобные письма о «неправильных» коммунистах, действовали уже в рамках

⁵² Большевики в Советской России. Сб. док-тов. Казань, 1998. С. 122.

⁵³ Там же. С. 125–126.

⁵⁴ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3 (Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б) — КПС). Оп. 59. Д. 18. Л. 103. Документ был выявлен д.и.н. С. А. Красильниковым.

новой системы координат и потому имели все основания считать подобное поведение Романовского предательством по отношению к собственной партии.

Недопустимым для коммуниста поведением они считали не только недонесение, но и ходатайство за арестованного товарища, о чем свидетельствует написанная в июле 1922 г. Т.П.Самсоновым по устному распоряжению Ф.Э.Дзержинского и адресованная Дзержинскому, И.С.Уншлихту и В.Р.Менжинскому докладная записка, предназначавшаяся членам Политбюро и предусматривавшая драконовские меры борьбы с социалистами, заканчивавшаяся предложением «путем специального постановления ЦК РКП(б) категорически воспретить ходатайствовать и ручаться за с.-р. и их приспешников⁵⁵.

Еще более показательной являлась широко практикуемая позднее партийными функционерами и чекистами апелляция к «честному» коммунисту, преданному партии, требования помочь партии и взять на себя страшные обвинения (очень часто обвинения как раз в предательстве). Подобные апелляции вообще были возможны только в Зазеркалье «новой этики» коммуниста, возникшей в том числе и в результате моральных экспериментов коммунистов с моралью, о трагических последствиях которых их провидчески предупреждала Е.М.Ратнер еще в 1922 г.

---

⁵⁵ Олицкая Е. Указ. соч. Т.2. С.153–154.